

На правах рукописи

Галеткина Наталья Геннадьевна

**Этническая идентичность локальных переселенческих групп:
«вершининские поляки» и «пихтинские голендры»**

Специальность 07.00.07

Этнография, этнология и антропология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2012

Работа выполнена на факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге

Научный руководитель доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге
Николай Борисович Вахтин

**Официальные
оппоненты:** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской Академии наук им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН
Сергей Николаевич Абашин

кандидат исторических наук, доцент кафедры этнографии Санкт-Петербургского государственного университета
Алексей Геннадиевич Новожилов

Ведущая организация: Российский этнографический музей

Защита состоится «__» _____ 2012 г. в __ часов на заседании диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии Наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии Наук.

Автореферат разослан «__» _____ 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

А. И. Терюков

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Актуальность темы диссертации обусловлена той важной ролью, которую играют этнические процессы в современном обществе. Обращение к этнической проблематике и, в частности, к феномену этнической идентичности вряд ли возможно без анализа конкретных случаев, без опоры на результаты исследований данного явления в определенном социальном, историческом, политическом контексте.

Диссертационная работа посвящена исследованию этнической идентичности двух локальных сообществ (так называемых *пихтинских голендров* и *вершининских поляков*), состоящих из потомков «столыпинских» переселенцев, приехавших в 1910-х гг. в Иркутскую губернию из западных областей Российской империи. В обоих случаях речь идет о людях, которые до переселения в Сибирь входили в более широкие этнорегиональные сообщества, описываемые как привисленские поляки (в случае с основателями Вершины) и бужские голендры (в случае с жителями Пихтинска). В Сибири в силу исторических и географических обстоятельств они оказались в изоляции от прежней родины. В обеих переселенческих группах начали активно проходить процессы внутригрупповой консолидации и формирования нового локального сообщества. Условия, в которых протекали эти процессы, так же как и обстоятельства переселения в целом имели много сходных черт. Однако те результаты, которые демонстрируют сегодня вершининские поляки и пихтинские голендры, серьезно различаются, если говорить об этнической составляющей их групповой идентичности.

Жители Вершины без труда оперируют этническими категориями, однозначно определяя себя поляками, подчеркивая свою этническую принадлежность и используя ее как символический капитал. Жители Пихтинска также ищут опору в этничности, но испытывают при этом определенные трудности. Часто они противопоставляют себя другим («мы – не немцы, не русские, не поляки»), но не могут однозначно «приписать» себя к какой-либо этнической группе. Внешняя категоризация группы также вариативна: в прессе и научно-популярной литературе пихтинцев характеризуют и как немцев, и как голландцев, и как поляков. В советских паспортах в графе «национальность»

присутствовали различные номинации (немцы, украинцы, русские), причем нередко у членов одной семьи. В чем заключается причина подобных различий и можно ли определить факторы, которые обусловили разные варианты этнической идентичности - эти вопросы находятся в центре данного исследования.

Проблема формирования этнической идентичности, рассмотренная в диссертационном исследовании, выходит за рамки региональной истории и этнографии. Анализ конкретных ситуаций, возникающих в небольшом локальном сообществе, помогает понять, как формируется и трансформируется этническая идентичность, как между группами возникают символические границы, интерпретируемые ими как этнические, какое влияние оказывает на судьбу сообщества внешняя категоризация, особенно когда она исходит от государства. Теоретические выводы, которые сделаны на основе анализа этого материала, могут оказаться полезными и в других исследованиях, посвященных проблематике этнической идентичности.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационной работы состоит в том, чтобы проанализировать современное состояние этнической идентичности вершининских поляков и пихтинских голендров и на основании компаративного анализа собранного материала выявить факторы, обусловившие специфику формирования этнической идентичности в каждом из рассматриваемых случаев.

Для достижения указанной цели необходимо решить несколько задач:

- Выяснить, что собой представляли рассматриваемые переселенческие группы по приезду в Сибирь: как формировалось их внутригрупповое единство, каким образом их воспринимали и категоризировали представители внешнего окружения (чиновники, жители соседних деревень), какую роль при этом играли этнические характеристики.

- Определить важные с точки зрения формирования групповой идентичности моменты в дальнейшей истории рассматриваемых сообществ, выявить те вызовы, возникавшие перед обеими группами, которые обусловили специфику развития каждой из них.

- Проанализировать состояние этнической идентичности обеих групп на момент полевых исследований 2005 года и описать наиболее значимые этнические маркеры.

- Выделить основные коммуникативные контексты, актуализирующие этническую идентичность членов рассматриваемых групп. Показать, как выстраиваются межгрупповые символические границы в зависимости от контекста, и какую роль в этом играют этнические характеристики.

- Определить основные факторы, повлиявшие на формирование этнической идентичности в каждом из рассматриваемых случаев и обусловившие различные результаты этого процесса.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются группы потомков основателей деревень Пихтинск и Вершина, которые до сих пор составляют преобладающее большинство населения указанных деревень. Предметом исследования является их этническая идентичность.

Степень изученности темы

Диссертация продолжает традицию изучения этнической идентичности и опирается на отечественные и зарубежные исследования, которые можно подразделить на несколько групп.

- ***Исследования социальной идентичности***

Понятие *социальная идентичность* получило статус самостоятельной научной категории первоначально в работах социальных психологов, из которых в первую очередь следует назвать Э. Эриксона¹. В социологии и социально-культурной антропологии социальная идентичность стала предметом исследования в 1960-е гг., хотя предпосылки к развитию некоторых идей были заложены раньше. В частности, Дж. Мид, рассматривая идентификацию как результат социального взаимодействия, ввел понятия «*обобщенный другой*» и «*значимый другой*»². Важное для понимания социальной идентичности понятие *референтной группы*

¹ Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 2000; Эриксон Э. Г. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

² Мид Дж. Сознание, самость и общество // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1994.

было предложено социальным психологом Г. Хайманом³ и разработано социологом Р. Мертоном⁴. Значительную роль в популяризации понятия социальной идентичности сыграл И. Гофман⁵.

• **Исследования этнической идентичности**

Проблемы этничности и этнической идентичности на протяжении вот уже полувека активно разрабатываются как в западной, так и в отечественной науке. До 1990-х гг. в советской этнографии/этнологии в качестве аналога понятия *этническая идентичность* выступало *этническое самосознание*. Проблематикой этнического самосознания занимались Ю.В. Бромлей⁶, В.И. Козлов⁷, М.В. Крюков⁸, К.В. Чистов⁹, Л.М. Дробижева¹⁰.

Среди множества подходов к изучению этнической идентичности наиболее важным для диссертационного исследования является предложенный Ф. Бартом и развитый его последователями¹¹. Этот подход можно рассматривать в общем контексте оформления научного направления социального конструктивизма. Важную роль в этом сыграли работы П. Бергера и Т. Лукмана¹², Б. Андерсона¹³, Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера¹⁴.

В современной российской науке в подобной парадигме работают такие исследователи как В.А. Тишков¹⁵, С.В. Соколовский¹⁶, В.М. Воронков¹⁷,

³ Нуман Н. The psychology of status. N.Y., 1942.

⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

⁵ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

⁶ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

⁷ Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 79-92.

⁸ Крюков М.В. Эволюция этнического сознания и проблемы этногенеза // Расы и народы. Вып.6. М., 1976. С. 42-63.

⁹ Чистов К.В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Советская этнография. 1972. № 3. С. 58-69.

¹⁰ Дробижева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 5. С. 3-16.

¹¹ Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference. Oslo, 1969; Jenkins R. Rethinking Ethnicity: Arguments and Exploration. London, 1997.

¹² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

¹³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

¹⁴ Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge, 1985.

¹⁵ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003

¹⁶ Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С. 3-18

¹⁷ Воронков В., Освальд И. Введение. Постсоветские этничности // Конструирование этничности. СПб., 1998. С. 6-37.

В.А. Шнирельман¹⁸, С.Н. Абашин¹⁹. Близки к этому направлению работы Б.Е. Винера²⁰, исследование Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки²¹.

• *Исследования, касающиеся пихтинских голендров и вершининских поляков*

В большей степени научный интерес привлекала группа вершининских поляков. Следует упомянуть публикации польского антрополога Э. Новицкой: ее статью о «поляках за восточной границей»²², а также несколько разделов в книге «Вершина вблизи и издали. Образы польской деревни в Сибири», написанные в соавторстве с М. Гловацкой-Грайпер²³.

История деревни Вершина рассматривается в статьях польского исследователя В. Масыржа²⁴. Фрагменты, касающиеся истории Вершины, также присутствуют в некоторых работах более широкой проблематики²⁵. Отдельные аспекты развития сообщества вершининских поляков были рассмотрены в докладах сибирских и польских историков на международной конференции в Иркутске в 2001 г.²⁶

В 2005 г. был подготовлен специальный, посвященный деревне Вершина, номер научно-популярного журнала «Тальцы», издаваемого Иркутским областным архитектурно-этнографическим музеем. Как наиболее интересные в научном плане

¹⁸ Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. №4. С.3-14.

¹⁹ Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007.

²⁰ Винер Б.Е. Межпоколенная передача этнической идентичности у этнодисперсных меньшинств (на примере современного Петербурга). Автореферат дисс. на соиск. уч. степени к.с.н. СПб., 1998.

²¹ Вахтин Н., Головки Е., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004.

²² Новицка Е. Многоликость польской идентичности (поляки за восточной границей) // Диаспоры. 2005. №4. С. 6-24

²³ Nowicka E., Głowacka-Grajper M. Wprowadzenie. Wierszyna jako pole badań; Teoretyczne inspiracje i praktyka badawcza; Polskość zastygła. Spojrzenie antropologa na Wierszynie // Wierszyna z bliska i z oddali: Obrazy polskiej wsi na Syberii / Pod red. E. Nowickiej, M. Głowackiej-Grajper. Kraków, 2003. S. 9-69

²⁴ Масырж В. Польская деревня Вершина (1910-1937 гг.) // Поляки в Сибири: научно-информационный бюллетень гуманитарного общественно-научного центра. Иркутск, 1995. С. 33-37; Masiarz W. Mała Polska Ojczyzna na Syberii Wschodniej. Polska wieś Wierszyna (1910-1990) // Studia Małopolskie. 1998. №1. S.39-63.

²⁵ Масырж В. Поляки в Восточной Сибири (1907-1947 гг.). Варшава – Иркутск, 1995. Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / Pod redakcją naukową A.Kuczyńskiego. Wrocław, 1998. Tomczyk K. Dzieje wsi Czubrowice. Kraków, 2002.

²⁶ Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Сборник материалов международной научной конференции (Иркутск, 11-15.09. 2001 г.) / Ред. Б.С. Шостакович и др. Иркутск, 2001.

публикации здесь стоит отметить статьи А. Вишневской, Л. Вижентас, С. Митренги²⁷.

Первые научные публикации, относящиеся к Пихтинску, появились в 1997 г. в журнале «Земля Иркутская», издаваемом Иркутским областным Центром по сохранению историко-культурного наследия. Это были статьи научных сотрудников Центра об особенностях архитектуры пихтинских построек, истории Пихтинска и его основателей, о роли трудовой армии в жизни пихтинских жителей²⁸. Позднее вышла в свет работа И. Пядушкиной о пихтинской свадьбе²⁹, а также подготовлен специальный выпуск научно-популярного журнала «Тальцы», посвященного Пихтинску³⁰.

Существует довольно большой блок литературы по истории Польши XVI-XVIII вв., где упоминается социальная группа под название «голендры/олендры»³¹. Но поскольку освещение вопросов «олендерской колонизации» не входило в задачи диссертационного исследования, то мы не учитывали эти публикации.

Упоминания о поселениях, в которых до 1910 г. жили многие будущие основатели Пихтинска, содержатся в работе украинского историка М. Костюка о немецких колониях на Волыни³². Традиция описывать бужских голендров как особую группу в составе волыньских немцев имеет давнюю историю³³. Ее придерживаются и авторы публикаций о бужских голендрах, издаваемых «Историческим обществом Волынь», например, Х. Хольц³⁴.

Теоретико-методологические основания работы

В качестве теоретико-методологической основы в диссертационном исследовании используются концепции этничности и этнической идентичности,

²⁷ Вишневская А. История Вершины, или как поляки оказались в Сибири // Тальцы. 2005. №4. С. 5-14; Вижентас Л. В. Польские традиции все еще живы // Тальцы. 2005. №4. С. 91-101; Митренга С. Польский язык в Вершине // Тальцы. 2005. №4. С.102-107.

²⁸ Басина Л. Архитектура переселенческих сел // Земля Иркутская. 1997. №7. С.39-45; Галеткина Н.Г. Бужские голендры в Сибири и Германии // Земля Иркутская. 1997. №7. С. 45-52; Смирнов А. Годы унижений // Земля Иркутская. 1997. №7. С.53-56.

²⁹ Пядушкина И. Сохраненные традиции пихтинских голендров. // Краеведческие записки / Иркутский областной краеведческий музей. Иркутск, 2002. Вып. 9. С.135-145.

³⁰ Тальцы. 2004. №4.

³¹ Например, Sroka J. Osadnictwo Olenderskie na polsiu Lubelskim w XVII i XVIII wieku na tle osadnictwa na prawie holenderskim w Polsce. Warszawa, 1957.

³² Костюк М. Німецькі колонії на Волині (XIX - початок XX в.). Тернопіль, 2003.

³³ См., например, Kühn W. Die Anfänge von Neudorf am Bug // Deutsche Monatshefte in Polen. 1938. № 11/12.

³⁴ Holz H. Die Bughauländer: Erste Protestanten Ostpolens // Wolhynische Hefte. 1990. №6. S. 25-41.

разработанные Ф. Бартом и его последователями³⁵. Этническая идентичность понимается как результат двусторонней идентификации, осуществляемой как самими членами группы, так и взаимодействующими с ними другими сообществами и индивидами. Социальное взаимодействие является, таким образом, необходимым условием формирования этнической идентичности. При этом подчеркивается ситуативная, контекстуальная, подвижная природа этнической идентичности.

Подобный подход, реализованный на российском материале, представлен в нескольких работах, оказавших влияние на общую концепцию диссертационного исследования и способы интерпретации эмпирического материала. Это статьи из научного сборника «Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга»³⁶ и уже упомянутая монография о русских старожилах Сибири³⁷.

Кроме того, в диссертационной работе использована концепция коллективной (социальной) памяти, предложенная М. Хальбваксом³⁸ и разрабатывавшаяся в трудах Я. Ассмана³⁹, П. Нора⁴⁰.

В отношении применяемых методов диссертационная работа носит междисциплинарный характер. Сбор эмпирического материала осуществлялся с использованием методов наблюдения (простого и включенного), интервью (полуструктурированного и фокусированного). Кроме того были проведены архивные и библиографические изыскания, собраны и проанализированы материалы СМИ. При обработке эмпирических данных использовались такие методы как нарративный и дискурсивный анализ, анализ категоризации взаимодействий, критический анализ текста. Необходимость сопоставления хронологически разных этапов формирования идентичности рассматриваемых сообществ обусловила применение сравнительно-исторического метода.

³⁵ Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference. Oslo, 1969; Jenkins R. Rethinking Ethnicity: Arguments and Exploration. London, 1997.

³⁶ Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб., 1998.

³⁷ Вахтин Н., Головкин Е., Швайцлер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004.

³⁸ Halbwachs M. On Collective Memory / Edited and translated by L.A. Coseriu. Chicago; London, 1992.

³⁹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004

⁴⁰ Нора П. Эра коммемораций // П. Нора и др. Франция-память. Пер. с фр. СПб., 1999. С. 95-148

Источниковая база исследования

- Полевые материалы, собранные в 1994-1998 и 2005 годах. Это результаты наблюдения, зафиксированные в полевых дневниках, аудиозаписи интервью (в общей сложности проинтервьюированы 156 информантов), копии материалов из деревенских музеев и клубов, а также семейных архивов.
- Архивные документы, обнаруженные в Российском Государственном Историческом архиве, Государственном архиве Иркутской области, Национальном архиве Республики Бурятия, Заларинском районном государственном архиве, архивах сельской администрации.
- Материалы СМИ (публикации в газетах и журналах, сообщения на интернет-порталах, телерепортажи) важны для анализа внешней категоризации и стереотипов восприятия рассматриваемых групп. Были собраны и проанализированы различные публикации о Вершине и Пихтинске в местных СМИ. Относительно Вершины подобные материалы были собраны и в польских СМИ.
- Статьи и книги, написанные представителями рассматриваемых групп, которые можно обозначить как самоописания.

Научная новизна

Новизна диссертационной работы заключается как в выборе объекта исследования, так и в применении исследовательских подходов. Группы пихтинских голендров и вершининских поляков до сих пор не становились объектом компаративного анализа, проводимого с целью выявления факторов формирования этнической идентичности локального сообщества. Несмотря на то, что жители Вершины привлекали к себе внимание историков и антропологов, попытка рассмотреть ситуацию с вершининскими поляками как фон, на котором отчетливее видна специфика этнических процессов, происходящих в другой переселенческой группе, является новым подходом.

Что касается сообщества пихтинских голендров, то его научное изучение было начато в 1990-х гг. автором данной диссертации; до этого группа не попадала в фокус исследовательского интереса.

Соединение исторических и антропологических методов сбора и анализа эмпирического материала, рассмотрение ситуаций в синхронном и диахронном вариантах также добавляет новизны данному исследованию.

Автор выдвигает новое понятие, которое характеризует специфический вариант этнической идентичности, рассмотренный в диссертации, - *протестная этническая самоидентификация*.

Кроме того, в научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся архивные и полевые материалы.

Практическая значимость работы

Основные положения и результаты исследования могут использоваться для подготовки лекционных курсов, спецкурсов при изучении дисциплин этнологического и исторического цикла, а также при создании учебных и методических пособий, рекомендаций для образовательных и культурно-просветительских учреждений. В частности, материалы диссертации были использованы автором при подготовке учебных курсов «Этнополитология», «Социальная идентичность и ее формы в современной России», которые преподаются в Национальном Исследовательском Университете - Высшей школе экономики (2008-2012 гг.). Данные диссертационного исследования использовались также при подготовке отдельных лекций в рамках программы «Введение в изучение Сибири и Севера» в Европейском университете в Санкт-Петербурге (2011 г.) и во время Российско-эстонской летней школы-экспедиции по культурной антропологии (Нарва, Эстония, июль 2011 г.).

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертационного исследования отражены в докладах, представленных автором на III международной научной конференции «Полевая этнография» (СПбГУ и МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 1-2 декабря 2006 г.), международной научной междисциплинарной конференции «Accommodating Religious Diversity» (ЦИГЕ при СПбГУ и Ун-т г. Белфелда, Санкт-Петербург, 28-29 сентября 2007 г.), Аспирантской конференции Европейского Университета в Санкт-Петербурге (15 мая 2007 г.), летней школе "Социоллингвистика в вузе: язык как социальное явление" (ЕУ СПб, Райвола, июль 2007 г.)

Фрагменты диссертационной работы обсуждались на исследовательских семинарах факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (2005, 2006, 2007 гг.), на научных межрегиональных семинарах «Этномиграционные процессы и становление диаспор в Азиатской России: история и современность» (МИОН при ИГУ, Иркутск, 4-12 февраля 2006 г.), «Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI вв.» (ИЦ «Внутренняя Азия», Иркутск, 22-25 сентября 2011 г.).

Структура диссертации

Работа состоит из введения, трех глав и заключения, снабжена списками использованной литературы и источников, а также алфавитным списком информантов.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, формулируются объект и предмет исследования, ставятся его цели и задачи, определяется структура диссертации. Здесь же характеризуется степень научной разработанности проблемы, описываются основные понятия и концепции, дается обзор источников, методов сбора и анализа представленного материала.

В **первой главе «Локальные группы в исторической перспективе»** рассматривается исторический аспект формирования идентичности двух переселенческих групп. § **1.1.** посвящен процессу переселения и складывания новых локальных сообществ в первые два десятилетия пребывания переселенцев в Сибири. В § **1.2.** рассматривается динамика развития групп в советское время, а в § **1.3.** анализируется влияние на их идентичность общественно-политических и экономических перемен, происходивших в 1990-е гг.

Представленный в главе материал показывает, что обстоятельства переселения обеих рассматриваемых групп были примерно одинаковы. Различия касались характера социального окружения переселенцев по приезду на участок и изначального уровня их внутригрупповой сплоченности. Многих будущих основателей Пихтинска еще до переселения связывали отношения родства и соседства, а также объединяли институциональные связи и общие практики, сложившиеся на прежней родине. Поселенцы же Трубачеевского участка, хотя

приехали из близких в территориальном отношении регионов Польши, жили до переселения в разных деревнях, не имея друг с другом (за редким исключением) контактов и связей. Формирование этой группы начало происходить только в новых условиях проживания на переселенческом участке.

Однако в ситуации с вершининскими поляками присутствовал важный фактор внутригрупповой консолидации, которого не было в случае с пихтинскими голендрами. Это - чуждое социальное окружение в лице старожильского бурятского населения, землепользование которого было нарушено самим фактом образования Трубачеевского участка. Различия внутри группы приехавших на участок поляков отходили на второй план перед резким отличием от местных бурят и натянутыми отношениями с ними, которые складывались сразу после приезда. Что касается пихтинцев, то они поселились на участке, который включал в себя свободные казенные земли и не затрагивал традиционного землепользования старожилов. В непосредственной близости от них оказались такие же «столыпинские» переселенцы, с которыми они не вступали в конкурентные отношения по поводу земельных ресурсов.

Одним из центральных исследовательских вопросов в первой главе является внешняя категоризация рассматриваемых групп. На основании анализа архивного материала делается вывод, что в 1910-е гг. для представителей власти обе группы были частью единого переселенческого потока, различаемые, прежде всего, по месту выхода и месту поселения, а также по степени полезности для заселяемой территории. Статус переселенца являлся ключевым для их восприятия этих людей, а все другие групповые характеристики по своей важности стояли на втором месте.

В случае с жителями Вершины такими дифференцирующими групповыми признаками второго порядка стали этническая и конфессиональная принадлежность. Прилагаемые к ним характеристики «поляки» и «католики» не раз встречаются в отчетах о переселении, в служебной переписке, а также в документах, исходящих от самих членов группы. Лютеранское вероисповедание жителей Пихтинска также входило в разряд специфических групповых отличий. Что же касается этнической составляющей их групповой идентичности, то имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают оснований для определенных выводов. Складывается впечатление, что на тот момент времени ни

для внешнего наблюдателя (будь то чиновник, житель соседней старожильческой деревни или поселенец соседнего переселенческого участка), ни для самих членов группы этническая принадлежность не входила в число важных групповых характеристик. Кроме того обозначение «голендры», используемое ими на прежней родине, не относилось к числу общеизвестных этнонимов и не воспринималось в качестве такового представителями местной власти.

Лишь с 1920-х гг. государство начало определять группы преимущественно на основе их этнических характеристик. Для пихтинцев в последующее десятилетие это стало критическим фактором, так как во многом определило судьбу всего сообщества: идентифицированные государством как «немцы», они перешли в разряд «неблагонадежного населения». На фоне травмирующего опыта трудовой армии и негативного отношения к себе окружающих при отсутствии явных оснований для немецкой самоидентификации пихтинцы стали все более и более подчеркивать ошибочность такого внешнего определения. Противостояние навязываемой извне этнической идентификации становилось значимой чертой их групповой идентичности, определило ее специфику, которую можно обозначить как *«протестная» этническая самоидентификация.*

В 1990-е гг. в обоих сообществах происходит рост интереса к вопросам этничности и происхождения. Для вершининцев главным фактором этого процесса были возобновленные контакты с исторической родиной. Для пихтинцев это время означает новый этап поиска этнической идентификации. Главным образом, в нем были задействованы специалисты со стороны – музейные сотрудники, исследователи, журналисты. Тем не менее, их действия влияли на состояние групповой идентичности жителей Пихтинска, на их восприятие себя именно в качестве этнической группы. Кроме того, применительно к середине 1990-х гг. можно говорить о появлении в Пихтинске этнических активистов, хотя использование данного понятия здесь проблематично, поскольку не было ясно, о какой этничности идет речь. Как бы там ни было, но самовосприятие и репрезентация группы окружающим происходила по модели этнического сообщества. Поиск корней, сохранение языка и веры предков, восстановление и консервация традиционных обрядов – все это составляло основные элементы этой модели. Речь шла именно о «народе», либо являющемся частью более крупной

этнической общности (и тогда вставал вопрос, какой именно), либо представляющем собой отдельную уникальную этническую группу (и в этом случае происходила разработка некоей новой модели – самостоятельного народа под названием «голендры»). Первая тенденция более характерна для 1990-х гг., вторая набирает силу в последние годы.

Во второй главе **«Маркеры групповой (само)идентификации современных жителей Вершины и Пихтинска»** описаны и проанализированы основные этнокультурные характеристики, которые чаще всего называют информанты, говоря о своей этнической принадлежности, выделяя себя и свою группу из окружающего социума. Их набор довольно предсказуем и включает в себя такие маркеры, как происхождение, история группы, язык, вероисповедание, праздничная и поминальная обрядность. Несмотря на это, в каждом из рассматриваемых случаев есть своя специфика.

«*Наш язык*» в Вершине четко идентифицируется как польский, несмотря на понимание имеющихся различий между ним и современным литературным польским языком. В Пихтинске же такой ясной этнической привязки не наблюдается. Об идиоме, используемой в домашнем общении, здесь предпочитают говорить именно как о «нашем» или «своем» языке. Подобное замечание справедливо и в отношении традиционной обрядности: в Вершине всегда говорится о «*наших польских обычаях*», а в Пихтинске – просто о «*наших обычаях*». Для характеристики «своего языка» пихтинцы также нередко используют определение «хохлацкий», констатируя тем самым его сходство с украинским языком, но в то же время подчеркивая существующую между ними разницу.

Польский язык объединяет вершининцев с более широкой этнической общностью поляков, живущих в Польше и в любой другой стране мира. Это не просто средство повседневного общения, но и символический капитал, используемый для демонстрации «живой традиции» и «польскости» в коммуникации с представителями исторической родины. В Пихтинске «свой» язык такого значения не имеет, и внешней сферы приложения для него не существует, поскольку контактов с представителями более широкой общности бужских голендров, от которой откололась в 1910-х гг. группа пихтинских поселенцев,

почти нет. Таким образом, он востребован только в домашнем общении со старшим поколением, да и то в ограниченном объеме.

Тем не менее, язык как маркер идентичности играет в Пихтинске заметную роль. Его использование в этом качестве довольно парадоксально: в рассуждениях о собственной этнической принадлежности пихтинцы чаще всего ссылаются не на владение языком, а на его незнание, и речь в данном случае идет о немецком языке и немецкой идентификации. Они обращаются к факту незнания немецкого языка как к главному аргументу ошибочности внешней этнической идентификации – *«мы не немцы, потому что не говорим по-немецки»*.

Религиозная традиция также входит в набор основных этнокультурных маркеров в обоих сообществах, хотя и не играет уже такой большой роли, как в первые десятилетия пребывания в Сибири. Взаимосвязь этнических и конфессиональных характеристик наблюдается как в Вершине, так и в Пихтинске. Однако специфика пихтинской ситуации заключается в том, что отношение к вере из средства группового сплочения все чаще становится фактором, создающим внутригрупповые границы, поскольку в рамках деревенского сообщества на сегодняшний момент существует несколько конкурирующих друг с другом небольших религиозных общин.

Большинство деревенских праздников, маркируемых как «польские» (в Вершине) или как «наши пихтинские» (соответственно, в Пихтинске), также имеют религиозно-церковное происхождение. Но их собственно религиозное содержание отходит при этом на второй план. На первый же план выдвигается противопоставление «нашего» обычая, оцениваемого более высоко и позитивно, «русскому» (в обоих случаях) и/или бурятскому (в Вершине). Это замечание релевантно и для похоронно-поминальной обрядности.

Процесс и результат самоидентификации во многом обусловлен коллективной памятью, которая, в свою очередь, формируется под влиянием складывающейся идентичности. Специфика коллективной памяти жителей Пихтинска состоит в том, что воспоминания о более позднем по времени событии – трудовой армии, влияют на воспоминания о более раннем – переселении в Сибирь. Это выражается в появлении нарративов, призванных объяснить ошибочность внешней категоризации группы в качестве «немцев». Образ «безвинно страдающего

народа» и образ «народа-труженика», успешно обосновавшегося на новом месте, несмотря на вековую тайгу и сибирские морозы, наиболее значимы для идентичности рассматриваемого сообщества.

Описание и анализ основных этнокультурных маркеров еще не дают полной картины того, как из комплекса перечисленных характеристик выстраивается идентичность группы. Опираясь на этот материал, можно представить некий обобщенный групповой портрет. Однако при этом надо учитывать, что значимость того или иного маркера, а также их сочетания могут меняться в зависимости от того, с кем в данный момент взаимодействуют члены группы, кто является для них основной референтной группой. Другими словами, необходим анализ конкретных коммуникативных ситуаций, которые актуализируют этническую идентичность рассматриваемых в диссертации локальных сообществ.

Этому посвящена **третья глава «Коммуникативные контексты, актуализирующие этничность рассматриваемых групп»**. Мы выделили семь контекстов, в которых партнерами по коммуникации вершининских поляков или пихтинских голендров являются следующие группы людей:

- Этнические активисты
- Представители исторической родины
- Представители местной власти
- Журналисты
- Исследователи
- Жители соседних деревень
- Односельчане, не входящие в группу потомков основателей деревни

Всех их также можно обозначить как *референтные группы*, то есть группы, на которые так или иначе ориентируется большинство членов локального сообщества при формировании представлений о собственной идентичности. В одних случаях (как, например, при коммуникации вершининских поляков с представителями современной Польши) эти группы дают образцы для подражания и таким образом выступают в качестве *позитивной референтной группы*. В других (как в случае общения с жителями соседних деревень) - члены локальных сообществ вырабатывают контрнормы и формулируют представления о себе, отталкиваясь от того, что они видят в партнерах по коммуникации.

Формирование этнического дискурса происходит во всех коммуникативных контекстах, но особо следует отметить роль журналистов и исследователей, которые активными расспросами и публикациями подталкивают местных жителей к рефлексии на тему собственной этничности, а также предлагают готовые клише (*национальная культура, особый народ, этнос* etc.).

Этнический дискурс преобладает в последние два десятилетия и в коммуникации рассматриваемых групп с местной властью. В связи с этим необходимо упомянуть о том, что активизация отношений вершинских поляков с исторической родиной вызывает у представителей власти негативную реакцию. Наряду с восприятием жителей Вершины как этнических поляков они всячески стремятся подчеркнуть их российскую гражданскую принадлежность.

Обозначенные выше референтные группы и коммуникативные контексты рассмотрены в первых пяти параграфах главы (§§ 3.1. - 3.5.). Кроме того, в § 3.6. проанализированы конкретные ситуации, в которых все эти контексты и акторы действуют одновременно. Это - массовые праздничные мероприятия, проходившие в Пихтинске и Вершине по случаю 100-летнего юбилея образования поселений, а также сопровождавшие или предшествовавшие им коммеморативные акции.

Сравнительный анализ материала по обеим группам позволяет выделить принципиальные различия в происходящих здесь процессах формирования этнической идентичности. Наиболее существенным в данной ситуации представляется фактор исторической родины. Поляки Вершины ощущают себя частью более широкого, чем их группа, этнического сообщества, которое связано с определенным современным государством – Республикой Польша. В жизни пихтинцев отсутствует подобная внешняя группа, которая бы символизировала общую историческую родину и определенную этничность. Родина отцов и дедов скрывается для них за неясными и этнически не маркированными представлениями о Волыни и Буге. Мало кто может отождествить место исхода своих предков в Сибирь с конкретным современным государством, тем более что поселений, откуда выехали их предки, сегодня не существует. Отсутствие преемственности в отношении территории проживания и государственной

принадлежности не позволяет пихтинцам сформулировать четкое этническое самоопределение.

Не способствует этому и отсутствие однозначного понимания слова «голендры». В последние годы начался процесс закрепления этой номинации в качестве этнонима. Юбилейные мероприятия 2010 г. сыграли значительную роль, введя слово не только в журналистский, но и в официальный дискурс. Однако процесс еще далек от завершения, и не все члены локального сообщества готовы согласиться с подобной этнической идентификацией.

Говоря об этнониме, следует подчеркнуть принципиальную разницу между пихтинской и вершининской ситуациями. Для жителей Вершины существует определенное слово - «поляки», которое называет их группу, выражает ее суть. Содержание этнонима может отличаться в деталях в зависимости от коммуникативных ситуаций. Однако в любом случае вершининцы как бы подстраиваются под имеющееся этническое определение, ищут соответствия ему в самих себе, соотносят себя с неким представлением, стоящим за этим словом. В Пихтинске же подобного этнонима нет, и здесь идет поиск «от обратного» - тому, что присуще данному локальному сообществу, ищется адекватное наименование (будь то немцы, голландцы или голендры).

Этнические активисты берут на себя роль выработки более или менее цельной концепции коллективного «мы». Формулируемый ими этнический код как в Пихтинске, так и в Вершине, можно назвать традиционалистско-интегративным. Принадлежность к этнической группе мыслится здесь в связке со «знанием традиции», которая ассоциируется, прежде всего, с «национальными» песнями, танцами, костюмами, обрядами. Сохранение или возрождение традиций, языка и веры предков входят в модель этничности в качестве основных элементов. Интегративность понимается как нацеленность на интеграцию в окружающий социум, отсутствие стремления обособиться от него.

Существенным отличием пихтинского варианта этнического кода является опять-таки отсутствие фактора исторической родины, который определяет деятельность этнических активистов в Вершине. В Пихтинске задачи «возрождения и сохранения национальной самобытности» не соотносятся ни с каким-либо конкретным государством, ни с какой-либо этнической общностью.

Кроме того, между образом группы, предлагаемым этническими активистами, и представлениями «рядовых» членов сообщества существует явный зазор. Музейные и клубные работники порой действуют слишком прямолинейно, стремясь расставить точки над *i* в вопросе этнической идентификации пихтинцев. Их версии нередко вызывают скептицизм, смущение либо же равнодушие у членов местного сообщества.

Все эти выделенные моменты – размытость понятия исторической родины и, соответственно, живущих там соотечественников, отсутствие однозначного этнонима и более широкой этнической группы, с которой бы ассоциировали себя члены локального сообщества, а также позиция отрицания приписываемых идентификаций – определяют кардинальное отличие «пихтинского» варианта формирования этнической идентичности от «вершининского».

В **Заключении** подведены итоги диссертационного исследования и сформулированы следующие **выводы**:

1. Понимая этническую идентичность как отражение и во многом как результат взаимосвязанных процессов внутренней и внешней идентификации, мы видим, что вершининские поляки и пихтинские голендры представляют два случая, которые находятся на разных концах шкалы совпадения / несовпадения этих идентификаций.

2. Случай с пихтинцами при этом более интересен, чем простое несовпадение внутреннего и внешнего определения. Не принимая навязываемую извне дефиницию, члены группы не отстаивают какое-либо собственное автономное определение, но парадоксальным образом привносят отрицаемую идентификацию в свою идентичность. Так, сопротивляясь внешней категоризации в качестве «немцев», они сосредотачивают усилия на том, чтобы доказать, что не относятся к этой этнической группе. Отрицая этноним «немцы» и выстраивая на этом собственную групповую идентичность, они тем самым вбирают его, интернализируют, закрепляют в качестве обязательного отрицаемого элемента. Они вырабатывают новое самоопределение, которое содержит эту отрицаемую дефиницию, но со знаком минус («мы – не немцы»). На этой основе постепенно возникает целый комплекс представлений о своей группе, отражаемый, например, в коллективной памяти. Формируется групповая идентичность, в основе которой

лежит принцип «мы – не-А», где «А» - навязываемое извне этническое определение. Этот принцип мы обозначили как *протестную этническую самоидентификацию*.

3. Возникает вопрос - почему пихтинцы выстраивали свою этническую идентификацию подобным образом, а не предлагали собственное определение, не связанное напрямую с отрицаемой внешней категоризацией. На основе проведенного анализа здесь можно выделить два комплекса причин:

- Первый связан с отсутствием у членов группы внутренних оснований для принятия дефиниции «немцы» или для выдвижения собственного этнического определения. У них не было опоры в виде исторического нарратива, обосновывающего немецкое или какое-либо другое этническое происхождение. Частое перекраивание государственных границ и меняющаяся государственная принадлежность территории, где располагались колонии бужских голендров (Российская империя – Республика Польша – Германский рейх) не способствовали кристаллизации подобного нарратива или исторического мифа, общего для всех членов группы, не создавали ситуацию заинтересованности в его производстве. Не было такой опоры и в виде четкого образа исторической родины, а также находящихся с ней в связке «соотечественников». Отсутствие немецкого языка в языковом репертуаре группы также не способствовало принятию немецкой идентификации.

- Второй комплекс причин связан с особенностями конкретного исторического момента, напрямую повлиявшего на судьбу членов группы. Начавшаяся война с Германией привела к тому, что все «немцы» стали восприниматься как враги. Это, в свою очередь, усилило негативное отношение к группе пихтинских жителей, которых государство идентифицировало как немцев, отправив значительную их часть в трудовую армию. Можно предположить, что не будь травмирующего опыта трудовой армии и негативного отношения окружающих уже в мирной послевоенной жизни, то не было бы этого стремления доказать ошибочность подобной внешней идентификации.

4. Помимо фактора социального взаимодействия при формировании этнической идентичности большое значение имеют обстоятельства конкретного исторического момента, в которые входит как совокупность специфических

социальных, политических, экономических черт, так и общепринятые в данном обществе модели категоризации, способы «говорения» на те или иные темы. Так, в случае с пихтинцами большое значение сыграло причисление их к стигматизированной этнической группе, негативное отношение к которой сложилось в результате войны с Германией. Что касается общих схем категоризации, то в российском бытовом и общественном дискурсе по-прежнему преобладает примордиалистский подход к этничности, согласно которому каждый человек имеет определенную этническую принадлежность или «национальность», причем ее название должно входить в список общеизвестных и общепринятых наименований. Поэтому вряд ли название «голендры» закрепится за группой в качестве самостоятельного этнонима как во внешней, так и во внутренней идентификации. Скорее всего, привычка определять людей в однозначных и привычных категориях «национальности» возьмет верх и поместит слово «голендры» (вместе с группой, им обозначаемой) в более привычную классификационную ячейку. И вслед за утверждениями об «уникальном народе, живущем в сибирской глубинке» будет следовать исторический экскурс, расставляющий точки над *i* и поясняющий, к какой из известных национальностей он «на самом деле» относится.

5. Вопрос об исторической родине остается для пихтинцев открытым – в том смысле, что здесь возможны варианты развития ситуации. Сейчас под исторической родиной они понимают место проживания дедов и прадедов накануне переселения в Сибирь, то есть, Волынь и земли вдоль реки Западный Буг. Но с распространением исторического нарратива о более далеком прошлом группы бужских голендров возможно усиление внимания к «изначальной родине», откуда предки волыньских колонистов пришли на эти земли. Можно предположить, что ответ на вопрос об этой далекой «изначальной» родине будет сформулирован более определенным образом, нежели сейчас, и здесь возможны варианты: Германия, Голландия, Польша. Вполне вероятно, что острота негативной реакции на внешнюю категоризацию пихтинцев как немцев будет снижаться с течением времени и с усилением контактов с германскими голендрами. Впрочем также можно предположить, что отмеченная тенденция превращения слова «голендры» в этноним получит дальнейшее развитие. Тогда этническая идентичность местного

сообщества будет терять свой протестный характер. Однако для этого параллельно должен идти процесс развития этнонима, наполнение его содержания – утверждение истории «народа» с таким именем. Другими словами, должен будет оформиться этнический миф, соединяющий различные версии, фрагменты исторического нарратива в стройную непротиворечивую картину.

**По теме диссертационного исследования автором опубликованы
следующие работы:**

• *в рецензируемых изданиях, включенных в список ВАК РФ*

1. Галеткина Н.Г. «Вершининские» поляки: историческая родина и этничность как ресурс // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 2. С. 142-154 (0,9 а. л.)
2. Галеткина Н.Г. “Соотечественники” в сибирской деревне: взгляд из Польши // Известия Алтайского Государственного Университета. 2011. №4/1 (72/1). Серия История, Политология. С. 41-45 (0,6 а. л.)

• *в других изданиях*

3. Галеткина Н.Г. Польская переселенческая деревня в бурятском окружении // Вестник Евразии. 1996. №1 (2). С. 62-77 (0,7 а. л.)
4. Галеткина Н.Г. Бужские голлендры в Сибири и Германии // Земля Иркутская. 1997. №7. С. 45-52 (0,8 а. л.)
5. Галеткина Н.Г. К вопросу о групповой идентичности современных жителей польской переселенческой деревни // Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты. Иркутск, 2001. С. 110-119 (0,5 а. л.)
6. Галеткина Н.Г. От мигранта к сибиряку. Трансформация групповой идентичности при переселении // Диаспоры. 2002. №2. С. 32-63 (1,7 а. л.)
7. Галеткина Н.Г. Бужские голлендры в поисках идентичности // Евразия. Люди и мифы. М., 2003. С. 142-163 (1 а. л.)
8. Галеткина Н.Г. Вершина: возникновение и начальный этап истории польского сибирского села // Тальцы. 2005. №4 (27). С. 14-26 (0,6 а. л.)
9. Галеткина Н.Г. Парадоксы коллективной памяти: бужские голлендры в Сибири и Германии // Диаспоры. 2006. №1. С. 11-35 (1,1 а. л.)

10. Галеткина Н.Г. Голендры // Большая Российская Энциклопедия. Том 7. М.: Научное Издательство «Большая Российская Энциклопедия», 2007. С. 309-310 (0,1 а. л.)
11. Галеткина Н.Г. Праздник в Пихтинске: попытка интерпретации смыслов // *Nomen est omen*: Сборник статей к 60-летию Николая Борисовича Вахтина (от непослушных учеников). СПб: Изд-во ЕУСПб, 2010. С. 101-127 (1,5 а. л.)
12. Галеткина Н.Г. Сибиряки? Поляки? Соотечественники? О факторе исторической родины в жизни современных жителей деревни Вершина // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 617-639. (1,3 а. л.)
13. Галеткина Н.Г. "Пихтинские голендры": поиски исторической родины // Мигранты и принимающее общество в Байкальской Азии: сборник научных статей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 159-178. (1 а. л.)